

Детектив Юлия Земцова

Анна Данилова

Властелин на час

«Автор»

Данилова А.

Властелин на час / А. Данилова — «Автор», — (Детектив Юлия Земцова)

Дмитрий в отчаянии: молодая жена Наденька намеревается забрать детей и уйти к любовнику. Успешный бизнесмен, пасуя перед житейской проблемой, все надежды возлагает на частного детектива Юлию Земцову. Никакого криминала в этой ситуации нет, и Юлия лихо выходит из нее: выманивает Наденьку из дома сообщением о том, что ее возлюбленный в опасности, в то время как няня Алиса по просьбе Дмитрия увозит малышей к его матери. Талантливый сценарий идет как по маслу, но вдруг злодея-любовника находят убитым, а многочисленные свидетели утверждают: на месте преступления видели даму в голубом плаще, в котором щеголяла Наденька...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

1	6
2	13
3	20
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Данилова Властелин на час

Дорогой учитель Мирос!

Мечтаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитайте, поучайте и
помогайте удовлетворить
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (девочка)

1

Это был их первый московский клиент, и он сильно нервничал. Клиент появился в агентстве по рекомендации Харыбина, бывшего мужа Юлии Земцовой, и его нисколько не интересовала история этого агентства, откуда оно взялось, кто такой Шубин или Китаев, ему была нужна только Земцова, хозяйка, и теперь он сидел перед ней в небольшом, уютном кабинете и рассказывал свою грустную историю. За окном рассказывала свою не менее грустную историю метель, она кружила по тесному тихому дворику и бросалась нервно в окна горстями сухого, колючего снега. В соседнем кабинете монолог клиента прослушивали помощники Земцовой – Игорь Шубин и его двоюродный брат Василий Китаев. Какому клиенту понравилось бы распинаться перед группой работников частного детективного агентства, тем более, когда речь идет о личной драме. Собственно, именно с этим горьким багажом, как правило, и обращались в подобные конторы: дела, что полегче, были связаны со слежкой за супругом (ой), посложнее – тянули на убийства и хорошо оплачивались.

Дело, с которым пришел этот господин, было удивительным, необычным, и Шубин спрашивал себя, согласится ли Земцова взяться за него, потому что дела-то как такового и не существовало. Но был клиент, да еще и по рекомендации Харыбина, фээсбэшника со связями, а это дорогого стоило. Им, скромным дебютантам на жирной московской ниве целого сонмища подобных агентств, надо братья за любую работу, лишь бы платили, лишь бы была возможность зарекомендовать себя, проявить, отличиться...

Юлия Земцова, прежде хозяйка частного детективного агентства провинциального города Саратова, вышла замуж за богатого француза, парижского бизнесмена Ги Бретона, владельца рыбных ресторанов, и в связи с новым замужеством сильно изменилась, как-то даже внешне успокоилась. На фоне ее многолетних и весьма сложных отношений с женолюбом Крымовым, истощивших ее нервную систему и приведших к мысли о преимуществе свободного, не обремененного любовными чувствами образа жизни, время от времени разбавляемого легкими и ни к чему не обязывающими связями, любовь Ги стала для нее настоящим спасением. Ей было так спокойно рядом с ним и они так отлично понимали друг друга, что тот образ жизни, который она предложила своему новому мужу (а ей захотелось продолжать работать, причем в России, в Москве, и это было не капризом, а желанием заниматься любимым делом, и, конечно, непременно с одобрения Ги), был воспринят весьма деловым и занятым Бретоном как нечто само собой разумеющееся. Бывшие мужья Земцовой – Патрик Дюваль и Евгений Крымов, так некстати одновременно, день в день, час в час, предавшие ее из легкомыслия и врожденного мужского эгоизма, расплатились за все сполна: сложились и купили ей недалеко от Тверской просторное помещение под офис. А Ги Бретон выкупил весь второй этаж этого же здания, где после основательного ремонта и поселилась его новая семья: он сам, Юля и ее маленькая дочка Маша (ребенок Крымова). Но если Ги по роду занятия приходилось постоянно курсировать между Москвой и Парижем, то его обожаемая жена практически не покидала своего дома и вся ушла с головой в обустройство как офиса нового (новизна проявлялась лишь географически) детективного агентства «Земцова и К.» (над названием агентства тоже долго не бились, оно словно приросло к воображаемой табличке на воображаемой двери воображаемого красного дерева), так и собственной квартиры. Все сложилось на редкость удачно, даже няня Катя последовала за ней в Москву и теперь проживала вместе с ними в огромной квартире, где, кстати говоря, поселилась еще домработница и повар в одном лице (веснушчатом, курносом и будто смазанном маслом) – Гала, украинка по происхождению, в настоящее время оставшаяся после развода без жилья. Протеже мамы Юлии, Маргариты Сергеевны, Гала пять лет прослужила (иначе и не скажешь) у одной из ее приятельниц, певицы, переехавшей не так давно на жительство в Лондон («ее сожрали», – так отозвалась о своей подруге Марга-

рита Сергеевна, имея в виду интриги в учебном заведении, где преподавала певица, и, конечно же, в консерваторских и филармонических кругах, что не помешало, однако, ей благополучно устроиться в Англии).

Шубин с Китаевым поселились на первом, офисном этаже, позади своих кабинетов, рядом с помещением, оборудованным под небольшую и удобную кухню, где хозяйничал Василий. Они занимали комнату около тридцати метров, разместив там две кровати, стол со стульями и шкаф для одежды. Такая общаговская жизнь пока их устраивала, в перспективе их ожидало много работы, неплохие заработки и возможность приобрести собственное жилье. Земцова посоветовала им не снимать дорогие московские квартиры, поскольку это пустая трата денег – предполагалось, что в силу занятости они все равно большую часть своего времени будут проводить в офисе... Прошел месяц с тех самых пор, как они впервые заняли свои места в кабинетах, оборудованных всем необходимым (от компьютеров до видеокамер), а клиент все не шел, несмотря на объявления, и вдруг удача – первый клиент, да еще от самого Харьбина.

Это был невысокий, смугловатый шатен приятной наружности, с мягкими чертами лица и беззащитной, растерянной улыбкой. Лет тридцати, полноватый, хорошо одетый, ухоженный, на вид с легким и уступчивым характером. Да и фамилия его была такая же мягкая и сладкая, конфитюрная, как и он сам, – Аджемов. Дмитрий Александрович Аджемов.

– У меня семья... У нас с женой Надей двое маленьких детей. Горка, вернее, Егор, ему три года, и Сонечка, ей и полгода еще нет. Я работаю, у меня свое предприятие, небольшой сырный завод в Подмосковье, еще кое-что... Словом, мы не бедствуем, живем в центре, в пятикомнатной квартире, Наде помогает няня Алиса, чудесная женщина, не представляю, что бы мы делали без нее... Помимо этого, приходит еще одна женщина, она убирает квартиру, иногда готовит, но в основном на кухне хозяйничает Надя... Вернее, хозяйничала...

– Что с ней? – нечаянно перебила его Земцова. – Почему вы говорите об этом в прошедшем времени?

Она так хорошо представила себе эту семью, дом, детишек, что даже успела сравнить ее со своей семьей, и вместо аджемовских помощниц увидела своих Катю и Галу. И вдруг это «хозяйничала»... Не может быть, чтобы эта молодая женщина умерла, нет, нет...

– Слава богу, Надя жива и здорова, но она уходит от меня. Вместе с детьми. Я вот сейчас здесь разговариваю с вами, а моя Надя совершенно спокойно, я бы даже сказал основательно, упаковывает детские вещи... горшки, соски, пеленки, я не знаю, что там... штанишки-кофточки... И помогает ей в этом ошарашенная всем тем, что произошло и продолжает происходить, няня Алиса. Я знаю, что она осуждает мою жену, но Алиса всего лишь няня, к тому же очень привязана к детям, да и к самой Наде... Словом, они уходят вместе...

– Куда?

– Надя полюбила другого мужчину, вот в чем все дело, – Аджемов погладил большим и указательным пальцами правой руки гладко выбритый подбородок и пожал плечами, словно удивляясь самому себе, как же это он мог докатиться до такой жизни, словно извиняясь перед Земцовой за такую вот невероятную и постыдную историю.

– Кто он? Вы знакомы с ним? Что вы можете рассказать об этом человеке?

Юля вдруг поймала себя на том, что ею в эту минуту движет исключительно любопытство, но не могла сдержаться. Хотя непонятно было, что Аджемов хотел от нее, зачем, собственно, пришел.

– Сергей Саблер, – выпалил Аджемов. – Меня трясет уже от этого словосочетания... «Сергейсаблер»... Как яд какой, как оружие, которое бьет без промаха... Я ненавижу его, хотя видел всего один раз, да и то случайно, они шли по улице вместе, под руку, – он и моя жена... И заметьте, она нисколько не смутилась. Более того, будто обрадовалась тому обстоятельству,

что я увидел их вдвоем. У нее было удивительно спокойное лицо, когда она представила мне своего любовника...

– Как вы узнали, что он ее любовник?

– Так она же мне тогда и сказала: «Вот, Дима, познакомься, это Сережа. Я не хочу тебе лгать, я люблю этого человека и ухожу к нему... И, пожалуйста, не надо никаких сцен, дело решенное. Детей я забираю».

– И все?

– Нет. Я набросился на него и начал избивать, и это при том, заметьте, что я никогда и никого не бил, разве что в детстве... я однажды вернулся домой весь в крови, а отец мне, вместо того чтобы пожалеть меня, успокоить или пойти и надрать уши моему обидчику, сказал: Иди и дай сдачи, иначе тебя всю жизнь будут бить...» Я вернулся во двор и накинулся на того мальчишку, схватил какую-то палку, затем камень... нас еле разняли. Мальчишка потом лежал в больнице... Старая детская история, но, когда Надя сказала мне, что не только сама уйдет от меня, но еще и детей заберет, то есть она предала меня и открыто призналась мне в этом, со мной что-то произошло, я набросился на этого Саблера, повалил его на землю и принялся избивать, он защищался, Сергей значительно крупнее и выше меня, к тому же сильный... Но он не ожидал, поэтому я успел нанести ему больше ударов... Надя схватила камень... словом, она ударила меня по голове. Понимаете, она защищала его, этого чужого мужика, а не меня, своего мужа... Но я уже простил ее за это... Поймите, я не могу без нее...

Аджемов опустил голову. Он не мог больше говорить.

– Дмитрий Александрович, чем мы можем вам помочь?

– Мне нужно, чтобы она осталась со мной. Надо придумать что-то такое, чтобы она поняла, что настоящая ее семья – это я. Что так, как я Надю люблю, ее никто не будет любить. И что этому Саблеру не нужны мои дети... Это он так только говорит, потом, когда они начнут жить, мои дети будут его раздражать... Я же это чувствую. Он не сможет испытывать к ним тех же чувств, что испытываю я, их настоящий отец...

– Дмитрий Александрович, я должна задать вам довольно-таки неприятный вопрос... Но это очень важно... Вы уверены, что это ваши дети?

– Да, уверен. Да и Надя сказала, что дети мои. Саблер однажды подвозил ее, это произошло три месяца тому назад, когда моей дочке не было и трех месяцев. Значит, этот Саблер тогда на нее и запал... Но моей жене роды пошли на пользу, она так похорошела... И после Горы расцвела, а уж после Сонечки и вовсе... Вы просто не видели мою жену... Это ужасно, но я понимаю этого негодяя Саблера: даже если у моей жены было бы пять детей или больше, мужчину, который полюбил бы ее, это не остановило бы. Но все равно, повторяю, им, этим мужчинам, нужна только Надя, а не дети... Что мне делать? Как сделать так, чтобы она осталась? Может, ее как-то испугать, чтобы она, как птичка, собиравшаяся покинуть клетку, высунула голову и увидела... кота... Смешно, да? А мне плакать хочется. Ей нужен стресс... Даже нет, не стресс, но что-то такое, чтобы она поняла, что этот Саблер ее не любит. Она должна увидеть или услышать что-то такое, что послужит доказательством того, что у него либо есть любовница, либо он будет плохо отзываться о Наде или о наших детях... Понимаете, Надя должна сама понять, что я – настоящий ее муж и что только со мной она будет счастлива... Вы же все можете, у вас есть какие-нибудь профессиональные наработки, опыт общения с людьми... Придумайте и позвоните мне, мы обсудим... А чтобы вы не подумали, что это желание мое и этот визит носит всего лишь эмоциональный характер, я оставляю вам пять тысяч долларов и свои координаты на тот случай, если вы все-таки согласитесь мне реально помочь... Вас это устраивает?

Аджемов выложил на стол пачку денег, визитную карточку, конверт с фотографиями жены, детей, всей семьи... Как он и говорил, его жена была необыкновенно красивой молодой женщиной, а дети просто как ангелочки... Боль клиента и его желание вернуть свою жену были

более чем понятны. Предстояла сложная психологическая работа, свежие, неординарные идеи, возможно даже, встреча с этой самой Надей...

Юля вдруг оживилась:

– Скажите, Дмитрий Александрович, для вас важно, чтобы ваши дети остались при вас? Так, может, увезти их вместе с няней в безопасное место? Отвлечь вашу жену от сборов... Или уже поздно?

– Я тоже думал об этом... Она не уйдет без них, она будет требовать у меня детей... Вы предлагаете выкрасть моих же собственных детей?

– Поначалу да, а потом видно будет. Понимаете, этот Саблер, заполучив вашу жену и детей, не подпустит вас к ним... Вы не сможете ступить на его территорию... А так вы опередите его... Вы же сами сказали, что няня осуждает Надю... так позвоните ей, предложите план. Мы придумаем, как отвлечь вашу жену, и, пока она будет, предположим, разговаривать по телефону или выйдет из дома, чтобы встретиться с кем-то для нее очень важным, да с тем же Саблером, к примеру, вы в это время с помощью вашей няни вывезете своих детей...

– Хорошо. Но как мне действовать? Уже завтра Надя уедет.

– Вы уверены в своей няне?

– Стопроцентно. Я знаю, что она не хочет переезжать к Саблеру.

– Тогда договоритесь с ней, чтобы она, как только ваша жена выйдет из дома, тут же собрала детей, а вы, когда получите ее согласие, сразу же поедете домой, за детьми...

– А Надя? Как вы выманите ее из дома?

– Я прямо утром позвоню ей и спрошу, знакома ли она с Сергеем Саблером... Она скажет, что да. Тогда я скажу, что с ним случилось несчастье, что ему стало плохо на дороге, что он сейчас находится по такому-то адресу... Я назову наш адрес...

– Да, она сразу же помчится. Даже одеться забудет... Она словно с ума сошла от этой своей любви, – произнес Аджемов с брезгливостью. – Тогда действуйте... Я отвезу малышек к своей маме, и она временно устроит детей у соседки, – на ходу придумывал клиент. – Надя приедет к моей маме, а детей нет... Я же вернусь домой как ни в чем не бывало, спрошу ее, где дети... Словом, все козыри будут в моих руках... Отличная идея, я мог бы, конечно, придумать это сам, но проделать все это, осуществить этот план без вашей помощи, нет, это было бы невозможно... Так звоните!

– И вы звоните... договаривайтесь...

Все понимали, что это всего лишь первый ход, причем вынужденный, и Шубин и Китаев мысленно были согласны с Земцовой, которая предприняла все возможное, чтобы сохранить хотя бы детей Аджемова. Но все равно было ясно, что дело несерьезное, бесперспективное, хотя и весьма необычное...

После того как клиент благополучно отбыл, окрыленный открывшейся ему возможностью оттянуть драматический момент расставания с любимой женой, Шубин с Китаевым ввалились в кабинет своей хозяйки и поздравили ее с первым клиентом.

– Клиент – просто супер. И главное – нет никакой возможности помочь ему; если баба влюбилась, она все равно уйдет, с детьми ли, без детей, – сказал Шубин, на что Земцова крайне серьезно заметила:

– Во-первых, не баба, а женщина, имей уважение, во-вторых, ничего еще не ясно... Отсутствие в доме детей может несколько отрезвить ее, понимаешь? Кроме того, у меня еще просто не было времени подумать над тем, что поручил мне клиент... Предлагаю и вам тоже пораскинуть мозгами.

– Вот если бы меня так кинула жена, прибил бы на месте, – заметил Китаев.

– Это тебе так только кажется. Нелегко пережить предательство, тем более, как я понял, это была хорошая, благополучная семья, поэтому вдвойне обиднее и больнее... – сказал

Шубин. – Но какой эмоциональный мужчина, я был удивлен, когда он рассказывал о том, как набросился на этого Саблера и принялся его колотить...

– Пусть он заберет детей, а там видно будет, – все продолжала твердить Земцова.

Она сидела за своим столом, сосредоточенная, необычайно яркая в своем красном свитере, и нервно грызла кончик оранжевого карандаша.

– Хотя, конечно, дело неинтересное, несерьезное... для нас... Для Аджемова же это вопрос жизни и смерти... Вернее, нет, это я загнула... Какая еще смерть! Хоть бы Алиса не подвела... Вот, тоже мне, няня, предает свою хозяйку и переходит на сторону мужа, отца детей... Но и ее можно понять: живет в семье, все про всех знает, отношения между мужем и женой у нее как на ладони... Значит, было все хорошо, и вдруг молодая мама, позабыв всякий стыд, решается взять детей и уйти с ними к любовнику... Что это такое – страсть?

– Страсть, – одновременно ответили Игорь и Василий.

– Вася, выскажи свое мнение.

– Там не все так просто. Раз няня решила помочь своему хозяину, она может быть влюблена в него. Понимаешь, каждый день она видит его: и утром, и днем, по выходным, когда он не работает, и вечером... Если она живет в семье, стало быть, у нее наверняка нет своей личной жизни. А тут красивый (я видел его, когда он только вошел) мужик, богатый, хороший семьянин, да у него масса достоинств! И она одна из первых узнает, что ее хозяйка собирается бросить мужа. Значит, его можно подобрать. А как это сделать, если он, предположим, до этого ни разу не обращал на нее внимания как на женщину?

– Оказаться рядом с ним в трудную для него минуту, – ответил Шубин. – И она, эта трудная минута, как раз сейчас и наступила... Алисе было просто сделать выбор, более того, это ее шанс! Няня забирает детей, и вот они вчетвером – она, дети и ее хозяин – едут к маме Аджемова, все они становятся автоматически сообщниками... Алиса, поскольку постоянно с детьми, теперь для Аджемова и его матери родной человек... А что, няни иногда превращаются в жен... Вот увидите, Алиса не упустит своего... Но сначала она будет делать вид, будто ей жаль, что Надя заберет детей, на самом-то деле зачем ей чужие дети, когда она может родить Аджемову своих детей? Главное, затуманить мозги хозяину, а уж потом, когда Надя рано или поздно отберет детей, Алиса останется рядом с Аджемовым просто как близкий человек, не бросивший его в тяжелый для него момент. Вот и весь, собственно говоря, сюжет. Вася, может, перекусим чего, время обеда?.. В ресторан не пойдем, в прошлый раз я там все свои последние деньги оставил...

– Мальчики, вы можете пообедать у меня, – в который уже раз за последний месяц предложила Юля, прекрасно зная, что и сейчас ее независимые помощники откажутся, что Василий снова отправится на кухню, чтобы приготовить яичницу или подогреть в микроволновке купленные в супермаркете котлеты. – Но как лихо вы успели выдать замуж няню Алису за Аджемова! Вы бы подумали лучше, как вернуть в семью заблудшую овцу...

Раздался звонок, Юля взяла трубку. Это звонил Дима, но только не Аджемов, а Харыбин. Они договаривались с ним, что он подберет им верного и надежного человека из прокуратуры, желательно опытного следователя, который будет работать на агентство. По прошлому опыту Юля знала, что без такого специалиста, обладающего связями и возможностями, они не смогут работать на полную мощь. Помимо этого, требовался человек, который осуществлял бы связь со специалистами из лабораторий на тот случай, если понадобится провести ряд экспертиз. И, безусловно, хороший судмедэксперт. Возможно, сказал Харыбин, это будет один и тот же человек. И вот теперь этот звонок...

– Как, говоришь, его фамилия? Гольцев? – Она писала: – Гольцев Лев Борисович... Отлично, спасибо тебе, Дима. Так, записываю... Мирский Евгений... можно без отчества? Как скажете... Молодой или молодящийся? Понятно... Значит, Женя. Нет, про другого Женю я ничего не знаю и, как ты понимаешь, знать не хочу... У него своя жизнь, и хватит об этом...

В гости? Пока нельзя, разве что в контору, здесь ты всегда желанный гость... Дима, не придирайся к словам. Я очень благодарна тебе за помощь. В сущности, другого я от тебя и не ожидала. Хорошо, если появится, я тебе позвоню, но все равно запомни – Крымовым я не интересуюсь давно... Ги? А при чем тут Ги? Сейчас его в Москве нет, он работает... И я работаю. Да, есть первый клиент, спасибо тебе... Хорошо, как будет желание, заглядывай... Вася тебе яичницу пожарит. Нет, он отлично готовит, но пока еще не освоился, да и дорого здесь все, мы сильно потратились, когда делали ремонт, покупали технику, ты же был, все видел... А, просто поговорить хочется... Ладно, спасибо тебе за... Гольцева и Мирского. Надо будет хорошенько выучить имена... Надеюсь, ты представил нас достойно. Все, пока.

Она положила трубку.

– Игорь, не смотри на меня так... Он нашел следователя прокуратуры по фамилии Гольцев. Зовут Лев Борисович. И судмедэксперт, очень гибкий, как отрекомендовал его Харыбин, значит, многое может для нас сделать... Зовут его Евгений Мирский. Ему за пятьдесят, но предпочитает, чтобы его называли по имени. Чувствую, еще тот жук... И дорого себя ценит, Дима предупредил...

– И что, как платить будем, ежемесячно?

– Сначала посмотрим, может, и дел-то никаких не будет... Я им так и объясню, не буду вводить людей в заблуждение. Как же мне здесь будет не хватать нашего Леши Чайкина... Не знаешь, он пьет?

– Вроде нет, мы перезваниваемся, но не часто...

На следующий день Юля позвонила Наде и, как было условлено, сообщила, что Саблер находится у нее. Через несколько часов позвонил Аджемов, захлебываясь, доложил, что дети у него, а жена куда-то убежала, ни слова не сказав Алисе, и ее до сих пор нет...

– Я звонил домой, но там никого, или она трубку не берет... Вы какой адрес-то ей дали?

– Свой... – И тут Юля поняла, что дала по ошибке адрес квартиры, а не офиса.

– Она уже была у вас?

– Нет еще... – Ошибка была непоправимая, наверняка Надя уже побывала у нее в доме, переполошила Катю с Галой.

– Но она должна уже появиться у вас... – продолжал между тем Дмитрий. – Вы же сказали, что с ее Саблером беда, вот она и помчалась... Говорю же, голову совсем потеряла, даже детей бросила... Я сейчас еду домой, буду поджидать ее... Объясню ей все, скажу, что пока она не одумается, я ей детей не отдам... Посмотрю на ее поведение, потом вам перезвоню...

Шубин с Китаевым пообедали на кухне крабовым салатом и жареной картошкой.

– Мальчики, я дала Наде свой адрес... Мне надо срочно домой, хотя она уже наверняка была и ушла...

Дверь ей открыла Катя, но сначала не хотела беспокоить, а потом с Машей завозились.

– Юля, я собиралась уже звонить тебе, тут приходила какая-то женщина, между прочим, очень красивая, как с картинки, но нервная, спрашивала про мужчину... Саблин его фамилия, кажется... Сказала, что ей какая-то женщина позвонила и сказала, что ему плохо и что он находится по этому адресу...

– Успокойся, это я звонила... Спутала номера квартир, понимаешь? Вместо офисного продиктовала домашний... автоматически, понимаешь? И что было дальше? Она уже ушла?

За спиной Кати, тоненькой, затянутой в джинсы девушки с конским хвостом на самой макушке, появилась невысокая, в зеленом платье и цветном фартуке, Гала, женщина неопределенного возраста с озабоченным розовым лицом и влажными глазами.

– Она пошумела, рвалась в квартиру, но мы выстояли с Катей оборону... Хорошо, Маша ничего не услышала, играла в своей комнате...

– А потом ей позвонили... Она сразу побледнела и сказала...

– Она сказала: «Не может быть... Он не имел права...»

– «Он не имел права...» И добавила: «А как же мы?»

– Так что ей сказали по телефону, вы что-нибудь поняли?

– Мне показалось, что с кем-то из ее близких случилась беда... – сказала Гала. – Она повернулась и пошла к лестнице, и ноги, видно было, совсем не держали ее... Я даже крикнула вдогонку, может, ей помочь, но она мне ничего не ответила...

– И тогда Гала, добрая душа, пошла за ней, – сказала Катя. – Проводила ее до крыльца.

– Да, там ее ждала машина, такси, она села и уехала...

– И когда это было?

– Да, кажется, часа три назад, не меньше! Вот хотели тебе позвонить, рассказать, да забегались с Машей, она почему-то раскапризничалась. Похоже, у нее температура... Кто это был, Юля?

– Так, одна особа...

Юля вернулась в агентство, рассказала о визите Нади.

– Может, ей позвонил Аджемов? – предположил Шубин. – Позвонил и рассказал о том, что забрал детей? Что Алиса с ним заодно?

– Вася, приготовь чашечку кофе, пожалуйста...

Но в эту минуту раздался телефонный звонок, Юля схватила трубку и услышала уже знакомый голос:

– Это я, Дмитрий Аджемов. Послушайте, я знал, куда иду и зачем, мне рекомендовали вас как опытного сыщика, как профессионала, причем с фантазией... Но мы же еще ни о чем не договорились! Вы же мне еще ничего не успели предложить?! Так зачем же вы действовали самостоятельно? И вообще, что, черт возьми, происходит? Я не знал, что вы действуете такими жестокими методами... Для вас главное – это результат? Или же все, что случилось, было подстроено вами?

– Дмитрий, о чем вы? Я не понимаю... – Юля нажала на кнопку громкой связи, чтобы Шубин с Китаевым могли услышать его ответ.

– Это я не понимаю, – прогремел на весь кабинет голос Аджемова. – Это инсценировка или на самом деле Саблер мертв?

2

Она летела все выше и выше и не могла остановиться. Вся ее прежняя жизнь казалась ошибкой, чем-то несерьезным, временным, но вот поняла она это только тогда, когда увидела Сергея Саблера, когда тот подвозил ее на своей машине. Случайное знакомство, она никогда прежде не встречала этого мужчину. Они даже не разговаривали в машине, а когда он подвез ее к самому дому и попытался спросить номер ее телефона, она лишь широко раскрыла глаза и покачала головой: мол, что вы такое говорите, у меня двое маленьких детей и муж, моя жизнь устроена, и мне не нужны никакие новые знакомства, тем более связи. Но все это она сказала ему мысленно, вслух же поблагодарила за то, что он ее довез, достала кошелек, но водитель (красивый, с русыми кудрями, сероглазый мужчина) сделал жест рукой – не надо. Она пожалала плечами и быстрым шагом направилась к подъезду. Дома ее ждала крохотная Сонечка, которую ей предстояло покормить грудью, и Горка, ее обожаемый сынок, нежный и трогательный мальчик с точно такими же кудрявыми волосами, как и у того водителя... Алиса приняла из ее рук сумки, стала рассказывать что-то про детей, о том, как они себя вели, что делали, но Надя слушала все вполуха: она знала, что забеременела третьим ребенком, и это стало для нее проблемой. Она не хотела этого ребенка, но боялась признаться в этом мужу, поскольку предполагала его реакцию. Конечно, он будет только рад, это же не ему вынашивать плод, не ему рожать, выкармливать... Она так устала от всего этого физически, что даже сама мысль о том, чтобы родить еще одного ребенка, казалась ей невозможной. Понимала она и то, что Дмитрий ни за что не одобрит ее желания прервать беременность, но ее тело – это только ее тело и ничье другое, и новая жизнь, которая там зародилась, тоже принадлежит ей, а потому она имеет право, ни перед кем не отчитываясь, избавиться от плода. Главное, чтобы муж не узнал.

Весь вечер она была рассеянна, отвечала на вопросы Дмитрия невпопад, представляя себя на операционном столе (еще днем она позвонила знакомому врачу и договорилась об операции на следующее утро), почти ничего не ела и последние часы перед сном провела в детской, играя на ковре с Горой и качая Сонечку. Алиса в это время читала в своей комнате. И вот в какой-то момент Надя подошла к окну и увидела возле подъезда ту самую машину, на которой ее подвез кудрявый незнакомец. Она откуда-то точно знала, что это именно та самая машина. Даже мысли не допускала, что машина может быть просто похожа на ту... Улыбнувшись, она подумала о том, что притягивает к себе внимание мужчин. Ей было приятно, что этому водителю хватило всего лишь нескольких минут, чтобы оценить ее привлекательность и даже заставить его дежурить возле ее дома... Но зачем? На что он рассчитывает? Смешно...

В детскую заглянул Дима. Он, улыбаясь собственным мыслям и чувствам, о которых было нетрудно догадаться, уселся возле жены и сына на ковер, сгреб обоих в охапку и расцеловал, счастливый. Надя спросила себя, любит ли она мужа так же, как прежде, и ответила себе, что любит, конечно, любит, он за три года их совместной жизни стал для нее родным человеком, и она не представляет себе жизни без него, но она так привыкла к нему, что не испытывает ни малейшего желания иметь близость с ним. Ей нравилось с ним спать, обнявшись, но, представив себе, что может последовать после того, как муж поцелует ее, затем еще раз и еще, как он, судорожным движением сорвав с себя пижамную куртку, взглядом покажет, чтобы и она разделась, ей становилось скучно. Все движения мужа, которые раньше доставляли наслаждение, теперь доставляют лишь неприятные ощущения. Ну почему он не понимает, что она устает с детьми, что дети вообще своим ангельским видом и молочным запахом отбивают в ней всякую охоту заниматься этим... Надо делать вид, что тебе хорошо, хотя на самом деле хочется побыть одной, забраться поглубже под одеяло и провалиться в спасительный сон... Она терпела это исключительно по одной причине: она не могла отказать, зная, как счастлив бывает Дмитрий в минуты этой нечастой близости, а мужа она любила... Как же все просто и сложно.

На следующее утро, проводив мужа на работу, она сказала Алисе, что у нее в городе дела, вызвала такси (брать свою машину она не рискнула, боялась, что будет не в состоянии после операции садиться за руль) и отправилась в клинику. Она ждала недолго. К операции подготовили за считанные минуты: она разделась, ее побрили... Потом она легла на каталку и ее повезли... Когда она открыла глаза, увидела склоненное над ней лицо знакомого доктора.

– Сможешь сама добраться до дома или вызвать Диму?

– Он ничего не знает, пожалуйста, Ольга Валентиновна...

Доктор понимающе кивнула головой: с какими только ситуациями ей, посвященной в женские тайны, не приходилось сталкиваться...

– Я доберусь. Вот позвоню сейчас в одну фирму, вызову такси, я всегда звоню по этому телефону...

Она оделась и, осторожно ступая по широким ступеням клиники, вышла на свежий воздух. Падая снег, почему-то хотелось плакать. Надя считала, что она совершила смертный грех – убийство ребенка, к тому же она скрыла все от мужа.

Такси она вызвала, машина должна была прийти с минуты на минуту. И тут она снова увидела ту большую черную машину. Темное стекло опустилось, и она увидела знакомое лицо. Оно было бледным. Надя отошла от машины подальше и встала с видом человека, никогда прежде не встречавшего ни этой машины, ни ее хозяина...

Его присутствие она почувствовала по шагам и близкому дыханию. Медленно повернула голову, и они встретились взглядами. Его взгляд был долгий, глубокий, страшный... Да, ей стало страшно, как если бы она предстала перед этим мужчиной в одной казенной рубашке, закатанной по самую грудь, и со стынущими ногами с потеками крови... Она почувствовала, что он все понял, а потому ей стало стыдно, словно он был там, в операционной, и все видел, осудил...

– Как вас зовут?

– Не думаю, что должна вам отвечать, – ответила она начавшими синеть губами.

– Давайте я отвезу вас домой.

– За мной сейчас приедет такси... Кто вы и что вам от меня нужно?

– Постоянно думаю о вас, хочу вас видеть... – он был немногословен, но речь его показала Наде очень нежной.

– Хорошо, отвезите меня... Только, не доезжая до моего дома, остановитесь, хорошо? Я не хочу, чтобы няня увидела, на какой машине я возвращаюсь...

В машине ей стало плохо, и она, сидя рядом с ним, почему-то позволила взять себя за руку. Он держал левой рукой руль, а правая сжимала ее холодную ладонь. Ей показалось, что он жалел ее, переживал за нее и ревновал к тому, из-за кого все это произошло...

– Мой муж ничего не знает, где я была... И он не должен меня видеть в таком состоянии... Сейчас приду, выпью вина... Попрошу Алису, чтобы она приготовила мне ледяную грелку... Хотя нет, она ни о чем не должна догадываться. Сама все сделаю...

– Меня зовут Сергей. Сергей Саблер. Можно, я приеду за вами?..

– Вы с ума сошли. У меня двое маленьких детей, муж, у меня семья... А сейчас я потеряю сознание... Стойте... подождите... Вы должны проводить меня до самой двери, черт с этой Алиской, она шпионка, но прекрасная няня, и дети ее любят. Вернее, Гора ее любит, а младшая, Сонечка, ей все равно, она на редкость спокойный ребенок... Вы не должны больше приезжать сюда, это нехорошо...

Дома она повалилась на кровать и сразу же уснула. А когда проснулась и увидела рядом с собой мужа, то почувствовала то, чего раньше к нему никогда не чувствовала: неприязнь... Она винила только его в том, что с ней случилось. И в том, что он ничего не чувствует сейчас,

когда ей так больно и плохо. Рассказать же о том, что она совершила, она не могла. Какой смысл произносить вслух такие страшные вещи? Да и вообще ситуация была банальнейшая, хотелось выть, скулить, плакать... Какая женщина после такой операции испытывает теплые чувства к мужчине?

– Мне нездоровится, Дима, – только и ответила она на вопрос мужа о том, что с ней, отчего она такая бледная, а под глазами залегли сиреневые круги. – Давай спать. С детками все в порядке...

А уже через две недели с ней стали происходить странные вещи. Перед тем как уснуть, она думала о Саблере, время от времени появлявшемся в поле ее зрения, но не осмеливавшимся приблизиться к ней и наблюдавшем за ней из окна своей машины. И когда однажды муж попытался обнять ее, она не отодвинулась, не отказалась, как отказывалась последнее время, а, закрыв глаза, расслабилась, отдаваясь во власть своих смелых и неожиданных для нее фантазий... Она представляла, как Саблер набрасывается на нее прямо в машине и насилует ее... И она закричала так, как не кричала уже давно, еще до рождения Егора... Когда же чувства успокоились и она поняла, что обманула не только себя, но и мужа, ей стало и вовсе нехорошо, стыдно.

Она хотела заставить себя не думать об этом мужчине, смутившем ее покой, но все равно ощущала его близкое присутствие. Как-то вечером она вышла, ей надо было в аптеку, находящуюся в соседнем доме. Накинула куртку, спустилась в лифте, выбежала на улицу и сразу же увидела вползающий змеей во двор знакомый длинный автомобиль. Было темно, и она, не оборачиваясь, быстрым шагом направилась к аптеке, но почти у самых ее дверей была остановлена Саблером. Он схватил ее за руку, притянул к себе, обнял и поцеловал куда-то мимо губ, в щеку, шею... Сначала она вырывалась, хотела даже закричать, словно испугалась этого внезапного нападения, но не смогла, так и продолжала стоять, чувствуя, как сильные мужские руки обнимают ее... Она очнулась уже в машине, они куда-то ехали. Остановились на незнакомой темной улице, Саблер заглушил мотор, повернулся к ней и снова притянул к себе, молча, как если бы и так было понятно, зачем он все это делает и что им движет. Она робко подчинялась, не понимая, как это вообще возможно, ведь где-то здесь, в этом городе, на одной из этих улиц стоит и ее дом, где ее ждут и, скорее всего, уже хватились... Первой забьет тревогу Алиса, она-то знает, что хозяйка отлучилась ненадолго, в аптеку за аспирином...

– Мне пора домой, меня ждут, отвезите меня, пожалуйста...

И он отвез. Доставил до самой двери, шел за ней по пятам, как телохранитель, но на расстоянии, чтобы не вызвать подозрение у соседей, которые знают в лицо ее мужа, словом, он был осторожен, и ей это понравилось.

Так он приезжал к ней несколько раз, она уже знала время его появления и находила предлоги, чтобы только отлучиться из дому. Ее лихорадило всякий раз, когда она, набросив на плечи теплую куртку, выходила из квартиры, с колотящимся где-то в горле сердцем, дрожащая от сладкого ощущения, будто она совершает что-то противозаконное, преступное, и она знала, что убивает не только свое отношение к Дмитрию, но и предает Горку и Сонечку, и все это лишь затем, чтобы сесть в чужую машину и ехать по долгим, холодным московским улицам, чувствуя сжимающую ее мужскую горячую руку... Ей было достаточно даже этих невинных прикосновений. Она понимала, что с ней происходит что-то, похожее на болезнь, но и остановиться уже не могла. А однажды случилось то, что должно было случиться: Саблер позвонил в дверь. Он видел, как Алиса с детьми отправилась гулять, и поднялся, Надя открыла, даже не взглянув в глазок, думала, что это вернулась Алиса за носовым платком или бутылочкой с соком, она часто что-то забывала и оставляла коляску на улице рядом с Егором. Распахнув дверь, Надя ахнула, увидев Саблера, она была одета к выходу, Дмитрий ждал ее в ресторане, где его друг отмечал день рождения...

Все произошло в спальне, на супружеском ложе, бурно, как схватка, неловко; он порвал ей чулки, долго не мог справиться с застежкой на платье, действовал грубо и нежно одновременно, он был так же безумен, как и она, и снова ничего не сказал. Вдруг в передней щелкнул замок, и Надя поняла, что это вернулась Алиса, что она действительно что-то забыла, потому что было слышно, как она быстро, но шумно разулась и побежала на кухню, вернулась в переднюю, обулась (каждый звук ее отдавался в головах любовников чудовищным эхом) и ушла, хлопнув дверью...

– Где твои ботинки?

– Не знаю, должно быть, еще на мне...

Она выставила его за дверь, вернулась и села на кровати, чтобы прийти в себя. Прическа была безнадежно испорчена, Надя распустила волосы (посыпались шпильки), провела по ним щеткой, подправила макияж (руки предательски дрожали, а на глаза почему-то выступили слезы), потом встала, чтобы подобрать с пола раскиданные вещи... Взглянула на часы: она опаздывала. Пришлось надевать другое платье, а шею с расцветшими на ней розами поцелуев укутать китайской шелковой шалью...

Следующие два месяца они встречались с Саблером у него дома, он уговаривал ее перебраться с детьми к нему, он не говорил о любви, не умел и не мог, но показывал комнату, в которой уже шел ремонт, – там планировалась просторная детская. Ее любовник основательно готовился к тому, чтобы стать отцом сразу двух детей. С ним она забывалась, не думала о муже, и уже скоро ее покинуло чувство вины, больше того, теперь во всем, что с ней так запоздало, по ее мнению, происходило, она винила Дмитрия. Это он торопил ее с замужеством, в то время как она еще не решила для себя, любит она его или нет, а потом пошли дети: родился Гора, затем – Сонечка... Ночами она мучилась без сна рядом со спящим мужем и, глядя на его спокойное, умиротворенное лицо, спрашивала себя, как он отреагирует на то, что она собирается ему сказать, что станет делать... В идеале ей хотелось бы остаться с ним в дружеских отношениях, она не хотела войны, ей важен был покой, только тогда она будет полностью счастливой. В том, что дети останутся с ней, она нисколько не сомневалась. Детей всегда после развода оставляют с матерями, если мать, конечно, не алкоголичка. Разве то, что она полюбила другого мужчину, – преступление? Да детям же будет лучше, если их мать станет счастливой. Она и Алису заберет, если только та согласится. Хотя Надя знала, что Алиса примет сторону Дмитрия, она слишком уважает его, чтобы потворствовать распустившейся хозяйке... С другой стороны, Алиса привязана к детям, она не сможет отказаться от них в случае, если они переедут к Саблеру.

Надя мысленно начала собираться, укладывать вещи, распределять, что и в какой чемодан положить, в какую коробку, хотя Саблер настаивал на том, чтобы она ничего не брала, чтобы привезла детей в чем есть и что они сами все купят... В минуты, когда она представляла себя живущей с Сергеем, она испытывала странное чувство счастья и какого-то невероятного облегчения, словно своим решением так вот неожиданно резко изменить свою жизнь она освобождает и Дмитрия, спасает от какой-то большой ошибки, которую они совершили вместе, соединившись и родив двух детей. Тихая, мирная и благополучная жизнь с мужем показалась ей теперь чудовищным обманом, под которым подписались двое, и что сейчас она одна может все спасти, пока Дмитрий не понял, как же далеко они зашли... Ей никто это не внушал, это понятие родилось и жило теперь в ней, как кровь... Но самым удивительным было то, что Дмитрий ничего не замечал, он, слепец, по-прежнему был уверен, что ничего не происходит, что свитое ими гнездо незыблемо, что его обожаемая жена живет в ожидании его возвращения домой и что она тоже счастлива.

Надя догадывалась, что Алиса что-то знает, а потому старалась реже оставаться с ней наедине, боялась каких-то вопросов, намеков, да, она стала бояться Алису. Но та пока молчала, добросовестно выполняя свои обязанности няни, при этом всем своим видом показы-

вая, как она любит детей. Словно в укор, думалось Наде. Приходящая домработница уж точно ничего не знала и продолжала убираться в квартире как ни в чем не бывало. Сложный механизм семейной жизни работал бесперебойно, будто и не подозревая, что внутри него родился и развивался живой организм новой семьи. Саблер готов был перевезти Надю с детьми в любой день. Он только и ждал, когда же она объявит о своем решении Дмитрию.

Развязка произошла сама по себе. Никто ее не планировал. Надя с Саблером прогуливались недалеко от дома под руку, словно им нечего и некого было бояться. Но не потому, что хотели, чтобы их кто-то увидел, они просто не могли идти рядом, не касаясь друг друга, и тут неожиданно появился Дмитрий. Он вышел из супермаркета с небольшим пакетом в руках и двигался в сторону дома по аллее между заснеженными кустами акации... Увидев жену, шедшую под руку с незнакомым мужчиной, он остановился, подождал, когда они сами приблизятся к нему, и тут Надя вдруг сказала:

– Вот, Дима, познакомься, это Сережа. Я не хочу тебе лгать, я люблю этого человека и ухожу к нему... И, пожалуйста, не надо никаких сцен, дело решенное. Детей я забираю.

Она почти сразу же зажмурила глаза от страха перед сказанным, потому что Аджемову понадобилась, казалось, всего одна секунда, чтобы понять смысл произнесенных ею слов, чтобы он, отшвырнув от себя хрустящий пакет, бросился на Саблера, сбил его, такого большого, с ног, повалил в снег и принялся колотить куда попало... Он не говорил ни слова, лишь пыхтел, подвывая в смертельном отчаянии и безысходности и продолжая наносить удары... Он боролся в эти минуты не столько, как поняла Надя, со своим соперником, сколько за то, что у него пытались отнять: за своих маленьких детей, без которых не представлял себе жизни, за жену, по неопытности, легковерию, внезапно охватившему ее любовному безумию предавшую его, за свой еще так недавно казавшийся ему надежный и теплый дом, за все то, что и составляло всю его жизнь... Саблер сначала не почувствовал боли, но потом ощутил кровь во рту, схватил Дмитрия за руки и попытался перевернуть его на спину, но тот вывернулся и нанес ему еще один удар куда-то в ухо, после чего схватил Саблера за волосы и несколько раз с остервенением ударил его головой о промерзший асфальт... Надя, двигаясь как-то неестественно плавно, словно ноги ее не касались земли, схватила попавшийся на глаза камень, подошла к побелевшим от снега мужчинам и с силой ударила им мужа по голове. Дмитрий тотчас отпустил Саблера, отвалился от него и как-то нехорошо, страшно, грузно перевернувшись на спину, замер...

– Сережа, я убила его... – она опустила рядом с Дмитрием и подняла его голову, всматриваясь в лицо, после чего осторожно опустила на землю и тотчас увидела на пальцах кровь...

Саблер встал, отряхнулся и выплюнул кровь, на снегу образовалось красно-оранжевое пятно.

– Дима, что с тобой? – Надя принялась тормошить мужа, словно он крепко спал. И Дмитрий открыл глаза и снова закрыл их. Он был живой. – Поднимайся, нехорошо, люди вокруг, еще милицию вызовут... Сережа, помоги мне его поднять...

Они с Саблером подняли обессилевшего, с окровавленной головой Дмитрия и повели к дому. Алиса, увидев своего обожаемого хозяина в таком виде, ахнула, прикрыв рот рукой.

– Что такое? Что случилось? Может, вызвать «Скорую»?

– Алиса, успокойся, ничего не нужно, я в порядке...

Дмитрий разувался в передней неловко, стоя и пытаясь стащить обувь, поддевая носком одного ботинка задник другого, расшвырял их, после чего, стиснув зубы, позволил Алисе снять с себя пальто и бросился в спальню, заперся там, упал на кровать и зарыдал...

– Мне остаться? – спросил Сергей, облизывая свои разбитые, в крови, губы.

Алиса продолжала стоять и тарашиться на Саблера.

– Алиса, иди к детям, – не поворачивая головы, но чувствуя за спиной ее присутствие, тихо произнесла Надя. – Нет, Сережа, тебе сейчас лучше уйти. Главное я ему уже сказала... Думаю, когда-нибудь он оценит мое нежелание жить во лжи...

Она сказала это так, как говорят героини мелодрам, и это прозвучало так бездарно, пошло, что она вдруг испугалась вообще всей пошлости ситуации и надуманности этого безжизненного сюжета... Саблер ушел, она уговорила мужа впустить ее в спальню, стала говорить ему о том, что продолжает любить его, Дмитрия, но как близкого друга, как отца своих детей, но, увы, не как мужчину, даже не подумав о том, что наносит этим ему самый большой удар. Он лежал бледный, лицо в ссадинах, на подушке размазана кровь, и она гладила его по голове и продолжала внушать, что им просто необходимо расстаться, что жить во лжи дальше невозможно, она не хочет ему лгать, она хочет жить открыто и свободно дышать (она так и сказала зачем-то, словно здесь, с Аджемовым, она задыхалась); то, что с ней произошло, получилось как-то само собой, она просила простить ее, понимая, что разрушает его жизнь, но дает ему возможность начать все с самого начала... Она говорила быстро, сбиваясь, словно боялась, что он снова потеряет сознание, как там, на улице, и не успеет услышать самое главное. Она видела слезы на его глазах и торопливо вытирала их ладонью, ловила себя на том, что ей хочется даже поцеловать его, успокоить. Говорила с ним доверительно, как с другом, словно она бросала не его самого, а кого-то, кого Дмитрий хорошо знал, она просила его о понимании... Но все равно ее не покидало ощущение, что она обманывает не только мужа, но почему-то и себя, и ей было жаль себя, такую запутавшуюся... Еще немного, и она попросила бы Дмитрия подождать ее до тех пор, пока она не насытится Саблером и, возможно, бросив его, вернется к нему, к мужу...

– Понимаю, он любит тебя, раз берет с детьми, но все равно, Надечка, пойми, – вдруг услышала она, – наши дети никогда не будут его детьми, он не сможет любить их так, как я... Оставь мне Горку и Сонечку...

– Дима, ну что ты такое говоришь, ты не понимаешь, чего просишь, я же мать, я должна уйти с ними, Саблер уже и детскую оставил...

– Так ты давно... с ним?

– Нет, недавно...

– Где ты с ним познакомилась?

– Он подвез меня однажды, а потом преследовал, он не может без меня, он любит, понимаешь?

– Но и я тоже люблю тебя...

– Не так, все равно не так, как он. Мне хорошо с ним, – сказала она и покраснела. – Да пойми же ты меня, отпусти! Давай не будем усложнять... И так все непросто... Давай, я отвезу тебя к врачу, у тебя из раны идет кровь... Ты прости, что я ударила тебя, я была сама не своя...

– Я бы сильно удивился, если бы ты ударила его... Надя, что с тобой? Словно это не ты... У нас же с тобой было все хорошо, мы любили друг друга, ты родила мне двух прекрасных детей... Как так могло случиться, что какой-то человек, который однажды подвез тебя, стал для тебя всем... Ты же совершенно не знаешь его, Надечка, он чужой тебе человек. Возможно, он оказался хорошим любовником, но это не самое важное в жизни... Если хочешь, мы уедем отсюда, у меня есть деньги, мы сможем переехать в Питер или вообще за границу, только чтобы ты его забыла. Поверь мне, все это временно, может, ты и не надоешь ему, ты женщина красивая, но наши дети, подумай хотя бы о них!

– Дима! Ну не надо, прошу тебя! Ты ничего не знаешь об этом человеке. Он уже любит наших детей, ты не видел, как он подготовился к нашему переезду... Он не хочет, чтобы я забирала отсюда вещи детей, сказал, что мы все купим сами, он торопит меня...

– И знаешь, почему? Да потому что он взрослый человек и понимает, что ты можешь в любую минуту передумать... Ты сейчас сама не своя... Как кошка... готовая сбежать из дома за драным котом...

– Что ты сказал? Ты сравнил меня с кошкой? И ты хочешь, чтобы после этого я осталась с тобой?

– Надя, дорогая, не надо, прошу тебя... Ты словно ищешь причину, только чтобы уйти... Но еще совсем недавно нам было так хорошо вдвоем, вспомни...

Она видела, что ему трудно говорить – ведь у него повреждена голова – и что ему нужно срочно оказать помощь, но и прервать этот разговор она тоже не могла, ей надо было убедить его в том, что он не должен препятствовать ее уходу. Ей нужно было время, чтобы она спокойно и основательно собралась. Шкафы в гардеробной ломились от детских вещей, которые она не хотела оставлять здесь, не видела смысла. Но все равно мысль о том, что все это надо будет упаковывать, приводила ее в уныние. Она словно видела себя и Алису укладывающими вещи молча, в полной тишине... Алиса. Наде хотелось бы забрать ее с собой. Только из-за детей. Саблер будет ей платить в полтора-два раза больше, и Алиса, падкая на деньги, согласится. Пусть даже нянька будет шпионить и докладывать все, что происходит в доме Сергея, Дмитрию, быть может, это даже хорошо, пускай Дима знает, что у них все хорошо... Алисе, она была уверена, не за что будет зацепиться... Они скоро сами поймут, что Надя сделала правильный выбор, покинув Дмитрия. С детьми Дима, конечно, будет видеться, он же отец, к тому же хороший. А потом он женится, да хоть бы и на Алисе, которой трудно скрывать свои чувства к хозяину... Алиса ли, другая ли женщина, главное, чтобы Дима был счастлив со своей новой избранницей...

– Сережа, поднимайся... Я отвезу тебя к врачу...

– Меня зовут Дмитрий, – прошептал Аджемов и закрыл глаза. По щекам его снова потекли слезы.

3

– Саблер мертв. Он застрелен в собственной квартире из пистолета, который убийца оставил рядом с телом, на ковре...

Гольцев Лев Борисович, худой, долговязый, нескладный мужчина, брюнет с темными умными глазами, докладывал Земцовой так, словно работал с ней уже давно, настолько естественно происходил их первый деловой разговор. Он приехал в агентство вечером, вежливо поздоровался со всеми, представился, сказал, что рад работать в агентстве и что сделает все возможное для того, чтобы их сотрудничество оказалось плодотворным. Юля сразу поняла, что она с этим человеком сработается, что он дисциплинирован, неамбициозен и, что немало важно, любит свое дело. Хотя и понимала, что он согласился на эту работу исключительно из материальных соображений: у Гольцева было трое детей и неработающая жена.

– Это хорошо, что вам удалось побывать на месте преступления... Но согласитесь, что это удивительно: еще утром у нас был Аджемов, просил помочь ему вернуть жену, а уже днем его соперник оказался мертв...

– Вы сказали, что у него есть алиби...

– У него-то есть, но задержана его жена, та самая женщина, из-за которой все и случилось... Она должна была уже сегодня вечером переехать к своему любовнику...

Юля подробно рассказала Гольцеву о том, как Дмитрий не без ее помощи вывез детей, как ему помогала в этом няня Алиса... И что она сама, Земцова, звонила Наде, чтобы сказать, что с Саблером случилось несчастье... Конечно, Надя не будет молчать и расскажет на допросе, что ей был сделан звонок... Нетрудно будет вычислить, кто звонил, и уже скоро в агентстве появятся люди, которые, в свою очередь, станут допрашивать уже Земцову: знакома ли она с подозреваемой, зачем звонила...

– Но я подстраховалась, успела позвонить Аджемову, и мы договорились с ним о том, что он побывал у нас и попросил проследить за его женой... Поэтому мне придется объяснить свой звонок на квартиру Аджемовых тем, что я хотела поговорить не с Надеждой, а именно с ее мужем, чтобы задать кое-какие вопросы... И что я ничего не могла знать о смерти Саблера, что Надя ошиблась или же сказала это намеренно, но вот только зачем, непонятно...

– Но какое совпадение, вы не находите? – Гольцев вдруг вскочил и зашагал по кабинету, обращаясь то к развалившемуся в кресле Шубину, то к Земцовой. – К вам приходит человек с просьбой вернуть жену, и в тот же день устранено основное препятствие – непосредственно соперник! Как если бы вы так быстро и оперативно сработали, не гнушаясь даже такими вот кровожадными методами... Чертовщина прямо-таки какая-то!

– Согласен, – сказал Шубин. – Дмитрий так и подумал сначала... Я только не совсем понимаю, как могли арестовать его жену? На каком основании? Может, я что-то пропустил?

– Соседи Саблера видели ее в доме... Они описали ее внешность, во что она была одета... Темно-голубой, с меховым воротником, плащ, голубой берет... Красивая молодая женщина... Так вот, перед тем как раздался выстрел, в квартире слышались голоса, мужчина и женщина ссорились... Потом раздался выстрел, и женщина выбежала из квартиры... Соседка, услышавшая выстрел, открыла дверь и отлично разглядела убегающую даму. В это же самое время из лифта вышла другая соседка, она практически столкнулась с женщиной в голубом... Вот на основании этих показаний Надежду Аджемову сразу же и задержали.

– А кто мог знать, что эту женщину в голубом плаще звали именно Надей?

– Соседка сказала, что видела неоднократно эту женщину, что она несколько раз приезжала сюда с детьми – с маленьким мальчиком и грудным ребенком на руках. И что Саблер, обращаясь к ней, называл ее Надей. Так что нетрудно было вычислить, кто эта женщина. К тому

же няня Алиса подтвердила, что у ее хозяйки есть темно-голубой плащ с пушистым воротником и берет.

– А как ведет себя Аджемова? – спросила Юля. – Что говорит?

– Она в шоке от всего, что произошло. Ее муж сразу же позвонил своему адвокату, он, как ни странно, очень переживает за жену и уверен, что она не могла убить этого человека... Что она любила его, представляете? Его жена крутила роман с Саблером, а он, ее муж, собирается теперь помогать ей...

– У них маленькие дети, – заметила Юля. – К тому же он любит свою жену. Ну и история... Получается, что Надя от меня поехала домой к Саблеру и убила его? Поймите...

Она позвонила домой, своей няне Кате.

– Катя, постарайся вспомнить, во что была одета та женщина, что приезжала к вам сегодня утром! Так, понятно... Как там Машенька, смотрит телевизор? Или ты смотришь телевизор? Хорошо, пока. – И, обращаясь к Гольцеву: – Надя действительно была в голубом плаще и голубом берете... Но тогда непонятно, зачем она убила своего любовника, к которому сегодня вечером должна была переехать с детьми? Ничего не понимаю...

– А тут и понимать нечего, – сказал Шубин. – Запуталась дамочка в своих мужчинах, нервы сдали...

– А мне вот ничего не понятно. Как бы мне хотелось побеседовать с ней...

– Думаю, адвокат добьется того, чтобы ее отпустили под залог, все-таки она кормящая мать... – предположил Гольцев. – А мне пора. Если еще что узнаю, позвоню. Желаю вам удачи, хотя свое первое дело вы выполнили с блеском...

– ...ничего не делая... Соперник устранен, беглянка напугана и, даст бог, в скором времени уже окажется дома... А там, кто знает, может, ее и оправдают?.. Ведь ее только подозревают...

Гольцев распрощался и ушел. И почти сразу же позвонил Дмитрий. От переполнявших его чувств он едва говорил, задышался:

– Послушайте, Юля, мою жену арестовали, но она не могла убить этого Саблера... Я нанял адвоката, завтра утром Надю отпустят домой, у нас же Сонечка... Но все равно, прошу вас, займитесь этим делом... Найдите настоящего убийцу Саблера. Это не Надя, она не могла убить. Она собиралась сегодня переехать к нему. И вещи уже собрала... Если бы не наш с вами звонок, она бы никуда не вышла из дома, он бы за ней приехал и забрал бы их... Я заеду к вам вечером?

– Приезжайте.

– Так вы согласны?

– Приезжайте, Дмитрий, я тоже не верю, что ваша жена убила Саблера. Но как только ее выпустят, вы мне устройте встречу с ней, я должна задать ей много вопросов... Понимаете, у нее слишком сложное положение. Ее видели на лестничной площадке как раз в тот момент, когда она покидала квартиру Саблера... Во всяком случае, женщина по описанию очень похожа на вашу жену.

– Знаю. У меня сейчас масса дел, связанных с залогом, но, когда я освобожусь, сразу же позвоню и приеду...

Василий Китаев, почти целый день промолчавший, поскольку его мнения еще никто не спрашивал по поводу этого странного дела, решил подать голос.

– Я понимаю, что вы все обескуражены таким стечением обстоятельств, и ни один из вас не верит в то, что Саблера убила Аджемова. А я предлагаю, пока мы ждем этого господина, предположить, что именно она, Надя, и убила Саблера. И только тогда это дело приобретет более реальное очертание, и нам всем будет удобнее размышлять над тем, что же должно было произойти, чтобы она, эта несчастная женщина, дошла до такого, совершила убийство... Зачем обманывать себя тем, будто она ни при чем, лишь из-за того, что она собрала вещи, под-

готовилась к переезду... Ну и что? Ну, уложила чемоданы и коробки, поставила перед фактом мужа, вот, мол, покидаю тебя, дорогой... Это еще ничего не значит... Мы не знаем, какие на самом деле отношения были между Надей и Саблером. Тот ход, который она довольно-таки талантливо выдумала, чтобы отвести от себя подозрение, достоин всяческих похвал... А вы представьте себе только, что ее с Саблером связывали совершенно иные отношения... А что, если ее дети были детьми этого Саблера, и Надя боялась признаться в этом мужу? Почему мы должны поверить ей на слово, будто она познакомилась с ним всего три месяца тому назад? Это всего лишь слова лживой женщины...

– Что это ты так агрессивен настроен против нее? – спросила с улыбкой Юля. Ей нравился этот оригинально мыслящий и вдумчивый парень. Но порой он умилял ее категоричностью своих суждений, переливающимся через край оптимизмом и молодой, пылкой горячностью выводов. Она понимала, что из Василия выйдет толк, а потому с радостью, ни минуты не колеблясь, согласилась взять его к себе в штат. К тому же Василий и Шубин прекрасно ладили друг с другом, что было тоже очень важно для работы. Вот только работы было пока маловато...

– Итак. Представим себе нечто для вас невероятное, будем исходить, так сказать, из обратного: Надя никогда не любила Саблера и придумала всю эту историю для мужа исключительно для того, чтобы убить Сергея. Причин может быть великое множество. Первая: Саблер – свидетель ее старого преступления, от которого необходимо избавиться; вторая: он – ее родственник, который претендует на крупное наследство; третья: она работает на спецслужбе...

– Да, на ЦРУ, – лениво кивнул головой Шубин. – Вася, ты бы лучше приготовил что-нибудь поесть...

– Подожди ты... Или же: визит к нам Аджемова лишь часть плана, в результате которого супруги собираются убить Саблера. И здесь тоже можно придумать причины... Деньги хотя бы, крупные, ну очень крупные деньги...

– Василий, я бы тоже не отказалась чего-нибудь перекусить... – с трудом подавляя смех, попросила Земцова. – Деньги у нас в кассе теперь есть, так что дуй в магазин и придумай что-нибудь быстрое, легкое и вкусное...

– Да пока вы здесь мух ловили, – обиженно проговорил Китаев, – я уже давно стогнал в магазин, кое-чего купил и даже успел приготовить... Салат с копченой курицей и черносливом, вареники с черной смородиной, но они уже остыли... Сметана, конечно...

– Умираю, – Шубин закатил глаза. – Вот за что я тебя люблю, Китаев, так это за твою смекалистость, но не в работе детектива, а именно в кулинарии... Вот честное слово, если бы я был женщиной, то вышел бы за тебя замуж...

– Лысая невеста – вот уж подарок... – покачал головой Василий и поплелся в сторону кухни, на ходу продолжая рассуждать: – В любом случае мы не должны до конца верить ни заказчику, то есть Аджемову, ни, разумеется, его жене... Главный факт – убийство Саблера. Нам надо выяснить, что это был за человек, на самом ли деле... – донеслось уже из кухни, – они познакомились с Надей три месяца тому назад... Идите! Я уже накрыл на стол...

За ужином он тоже не молчал и, пока его брат с оголодавшей хозяйкой расправлялись с вкуснейшим салатом и уплетали густо политые сметаной вареники с черной смородиной, высказывал свои доводы:

– Я, собственно, подумал: а почему бы этой самой Наде по дороге домой, где уже никого не было, потому что детей увезли, не узнать от кого-то очень сердобольного что-то такое о Саблере, что в конечном счете и заставило молодую женщину принять молниеносное решение и расправиться с некогда горячо любимым мужчиной? К примеру, ей совершенно неожиданно стало известно, что он изменяет ей с другой женщиной. Ревность – мощная сила, по себе знаю... Так вот, приходит она, бедняжка, – продолжал он с набитым ртом, – домой, деток нет,

а на столе – кассета, знаешь, как это бывает: съешь меня... Я хотел сказать: просмотри меня... А на кассете мерзейшая запись: Саблер развлекается с какой-то женщиной...

– Или хуже того, с мужчиной! Василий, а кофе будет?

– И кофе, и какао с молоком, – ответил Василий. – А что, по-моему, недурственно я придумал. Мало того что дома никого нет и налицо предательство няни – возможно, Алиса оставила какую-нибудь злобную записочку своей зарвавшейся хозяйке... Так вот, Надя наша в растрепанных чувствах, а тут еще и запись... Все ее предали, бросили... Она, не помня себя от охватившей ее ярости, летит к Саблеру, врывается к нему и устраивает скандал! Кричит на него... (Кстати говоря, надо бы подробнее порасспрашивать соседей, что именно кричали Саблер и его убийца.)

– А потом выхватывает заранее припасенный для этого случая пистолет, – продолжает за него Шубин. – Вася, где у нас сахарница?

– В туалете, – огрызнулся Василий. – Вот вы не воспринимаете меня всерьез, а между тем время покажет, кто из нас прав, а кто нет... Хотя о чем с вами можно спорить, когда от вас только и слышно: какое странное дело, какое удивительное, невероятное дело! Да дело-то очень простое, как и все убийства в мире! Нужно лишь понять мотив. Кому понадобилось убивать этого мужика...

– Вася, салат был просто потрясающий... А вареники... ум отъешь... Я действительно от таких вкусностей просто забыла, кто я и чем мне следует заниматься. Но твоя версия относительно того, что за то время, что прошло с момента появления Нади в моей квартире до возвращения ее домой, ей стало известно о Саблере что-то ужасное, что оказалось несовместимым с ее планом замужества и переезда к этому человеку, кажется мне наиболее вероятной. Вот только как намекнуть Аджемову, что его жена действительно может быть убийцей?! Игорь, Вася, поезжайте, попробуйте поговорить со свидетельницами, соседками Саблера, и постарайтесь вернуться к приезду Аджемова. Во всяком случае, теперь у нас появилось настоящее дело: убийство.

– Юля, мне нужно с тобой поговорить... У меня к тебе одна не совсем обычная просьба, вернее, совсем необычная... – вдруг сказал Китаев. – Косвенным образом это связано с твоим мужем, Ги...

4

Все произошло слишком быстро, чтобы можно было осмыслить, понять и тем более решить для себя, как жить дальше. Все то, о чем он мечтал еще сегодня утром и что казалось ему нереальным, фантастичным, нежизнеспособным, а именно – желание вернуть себе Надю, сейчас произошло словно по волшебству. Так не бывает, твердил себе Аджемов, сидя в кресле притихшей, заваленной распахнутыми чемоданами, коробками, сумками, как после военных действий, квартиры и вспоминая каждую минуту прожитого дня. С чего все началось? Он проснулся рядом с женой (они продолжали спать вместе, хотя и под разными одеялами – это унижительное для него нововведение завела разлюбившая его жена) и с ужасом понял, что это была его последняя ночь, которую он провел с Надей. Ночь без любви, без надежды...

Надя еще спала, и он долго рассматривал ее безмятежное лицо, ее чуть приоткрытые розовые губы, темные ресницы, русый локон на бледной щеке, подсвеченный утренним скудным солнечным лучом... Она была так красива и так желанна в эту минуту, что он вдруг понял, что теперь, когда ее не будет рядом с ним, она станет для него еще красивее и желаннее... А он, несчастный брошенный муж, станет испытывать при мысли о ней невыносимую боль, и это будет продолжаться до тех пор, пока не случится нечто невероятное, что сможет вернуть ее обратно, на эту же кровать, в эту полную тихих семейных радостей жизнь.

Он понимал, что происходит с Надей, в свои тридцать два года и ему приходилось испытывать нечто подобное по отношению к женщинам. Увлечение, страсть, влюбленность, все то, что составляет эмоциональную основу каждого не поддающегося управлению или объяснению скоротечного романа, когда люди, внешне благополучные и счастливые в браке и от которых этого меньше всего можно ожидать, вдруг бросают жену, детей и, словно сорвавшись со своей оси, несутся на обочину любви порывом сильнейшего сексуального чувства. Именно на обочину любви, Дмитрий был в этом абсолютно уверен, поскольку еще ни разу не встречал людей, которые, попав в подобную ситуацию и перенеся этот любовный стресс, вернулись бы в свое прежнее состояние и продолжили бы нормальную, в его представлении, жизнь. В книжные, киношные и театральные истории о большой и страстной любви, питающей и очищающей души обезумевших любовников, он не верил. Как не мог поверить и в то, что Саблер, похитивший его жену, вскоре не пресытится ею. Новизна отношений и ситуации в целом спадет, все красивое и бутафорское, как цветы и шампанское по вечерам, любовные игры на сбитых простынях при свечах, – все это приестся, и останется лишь безобразная по своей неприглядности реальность, состоящая из детского плача по ночам, стойкого запаха подгорелого молока в кухне, утомленной и невыспавшейся чужой жены (растрепанной, в ночной рубашке, раздраженной), непонятно каким образом оказавшейся в его, Саблера, холостяцкой квартире с целым выводком орущих детей...

Но где взять слова, чтобы остановить помутившуюся рассудком молодую жену? Ее как ураганом подхватило и понесло в неизвестность, и ему, Дмитрию, стало страшно за нее и за детей, и он готов был даже произнести те унижительные для каждого брошенного мужа слова: ты поди погуляй, узнай, как не сладко там, на чужих простынях, а потом возвращайся, я буду тебя ждать... Он так часто об этом думал, что сейчас не мог и вспомнить, сказал ли он это на самом деле или же только хотел это сделать. В любом случае он готов был повторить эти слова... Он заранее прощал ее за все те ошибки, которые она собиралась совершить.

Как же ему хотелось в то утро схватить ее, сжать в своих объятиях и вдруг просветленно понять, что весь этот кошмар с Саблером – всего лишь сон! Но, пощупав пальцами затылок и сморщившись от боли (голова-то была разбитой, в волосах запеклась кровь, к врачу он так и не обратился), с ужасом понял, что Саблер не герой его кошмарных снов, что он вполне реален и что, защищая именно его, а не родного мужа, отца своих детей, Надя взяла в руки камень...

Она пошевелилась, застонала, потягиваясь всем телом, и он понял, что жена не спит, а просто лежит с закрытыми глазами и тоже, возможно, осмысливает все то, что должна будет совершить сегодня. Сборы. Великие сборы. Она с детьми покидает его. И он должен молча смотреть на то, как они с Алисой будут укладывать вещи... Он не знал, что предпринять, чтобы этого не произошло. Он видел, что ее не остановить. Но и бездействовать тоже не мог... И тогда он сделал то, на что не решался все эти последние дни: позвонил своему приятелю Харыбину, договорился с ним о встрече, рассказал, что с ним произошло, и попросил порекомендовать ему людей, которым можно было бы довериться и которые могли бы оказать реальную помощь. А ведь он думал, что его тезка будет над ним смеяться в ответ на его просьбу – разве можно в таком деле помочь? Но Харыбин отреагировал быстро, не раздумывая, и дал номер телефона Юлии Земцовой. Ты не смотри, что она молода, она весьма умный и талантливый человек и многое может... Так Аджемов оказался в агентстве. И тот план по изъятию детей, который ему предложила Земцова, показался ему гениальным. Как же он радовался, когда Алиса согласилась ему в этом помочь и когда Горка и Сонечка оказались у мамы, а потом у соседки. Соню надо кормить, он понимал это, когда решил выкрасть собственных детей, и кормить ее должна была грудью мать, Надя. Никто об этом не подумал, кроме него самого. И он промолчал там, в агентстве, так ему хотелось, чтобы все получилось, потому что тогда Надя объявилась бы сама, она бы догадалась, где могут быть дети, в этот же вечер приехала бы к свекрови, и вот тогда между двумя дорогими для него женщинами произошел бы сложный разговор. Но он хотел этого, потому что оставалась надежда на то, что мама найдет те слова, которые не нашел он, чтобы образумить Надю... Даже если Надя воспримет это как предательство – это будет уже неважно. Главное – вернуть ее домой... Хотя разве он не предполагал, чем может закончиться разговор жены и матери? Конечно, приехал бы Саблер, и они бы все равно увезли детей... Как же все было страшно.

И вот теперь, спустя всего несколько часов, все изменилось. Самым невероятным и трагичным образом. Надя арестована по обвинению в убийстве и находится в камере. Дети с Алисой у мамы. Но завтра утром внешне все будет выглядеть как прежде: беглянка возвращена домой (под крупный залог, как кормящая мать), вернутся дети, няня... Словно и не существовало Саблера, будто и не было ничего... Как же так могло все произойти? Ведь Земцова в его присутствии выдумала предлог, чтобы выманить Надю из дома: *«Я прямо сейчас позвоню ей и спрошу, знакома ли она с Сергеем Саблером... Она скажет, что да. Тогда я скажу, что с ним случилось несчастье, что ему стало плохо на дороге, что он сейчас находится по такому-то адресу...»*

Не зря говорят, что слово материально. Эта женщина из агентства накликала несчастье, с Саблером действительно произошла беда, причем самая большая и необратимая: его не стало... Даже если предположить самое невероятное, что Земцова наняла киллера, который убил Саблера... Он горько усмехнулся. Какой киллер, да и зачем это Земцовой? Внешне она производит впечатление вполне серьезной и нормальной женщины. Она не могла подумать, будто клиент пришел именно для того, чтобы «заказать» Саблера, и не знает, как сказать об этом таким образом, чтобы не называть вещи своими именами... Да и Харыбин не стал бы рекомендовать сомнительных или душевнобольных людей... Но как же так все могло сложиться, что желание клиента было исполнено потрясающе быстро?.. *«Дмитрий Александрович, чем мы можем вам помочь?» – «Мне нужно, чтобы она осталась со мной. Надо придумать что-то такое, чтобы она поняла, что настоящая ее семья – это я. Что так, как я ее люблю, ее никто не будет любить...»*. Вот и придумали. Убили Саблера. Теперь Надя останется со мной, куда ей еще податься? Пройдет время, она успокоится и перестанет оплакивать своего любовника...

Чудовищное совпадение.

Когда Дмитрий наконец смог осознать, что же произошло на самом деле, он поехал к Земцовой. Мысль о том, что Саблера могла убить Надя, показалась ему нелепой. Стало быть, существует настоящий убийца. И как ни стыдно ему было своих предположений по поводу того, что люди Земцовой каким-то образом замешаны в этой странной смерти, больше ему за помощью обратиться было не к кому: он должен во что бы то ни стало найти убийцу Саблера, чтобы Надю отпустили. И не под залог, а совсем... И тогда все встанет на свои места. Жизнь, он верил, постепенно наладится...

– Дмитрий, я понимаю, вы потрясены тем, что случилось с Саблером, и особенно арестом вашей жены, которую подозревают в его убийстве, но вы должны быть объективны и учитывать факты, – говорила бесстрастным голосом Земцова, стараясь не глядеть ему в глаза. – Вашу жену видели сразу после убийства Саблера... Она находилась в его квартире, они разговаривали на повышенных тонах, ругались, скандалили, понимаете? Потом раздался выстрел... Женщина в голубом плаще и голубом берете выбежала из квартиры, ее видели двое свидетелей, которые и прежде встречали ее возле квартиры Саблера вместе с детьми, и он, Саблер, называл ее Надей... Здесь не может быть ошибки или еще одного совпадения: женщину зовут Надя, двое детей, по описанию похожих на ваших, голубой плащ с меховым воротником и берет... Алиби у вашей жены нет. Она же по моему звонку вышла из дома и поехала сюда... Потом, когда она была в моей квартире, ей позвонили и сказали что-то... Моя няня утверждает, что Надя произнесла: «Не может быть... Он не имел права...»

– Ей позвонили? Но кто?

– Конечно, не я. Я звонила ей только один раз. Вполне возможно, что ей позвонили, чтобы сказать о Саблере что-то такое, что расстроило все планы вашей жены и вывело ее из себя...

– И она помчалась к своему любовнику, выхватила пистолет и застрелила его. Как в кино. Она что, носит в сумочке вместе с бутылкой молочной смеси и губной помадой пистолет? И это вы говорите о моей Наде?

– Возможно, она и раньше что-то слышала о нем...

– О чем? Что вы говорите загадками?

– Ей могли позвонить и сказать, что у Саблера есть другая женщина... Соседка утверждает, что женщина, находившаяся в его квартире накануне убийства, обвиняла его в связи с другой женщиной... Понимаете, после вашего звонка, в котором вы просили заняться поисками убийцы Саблера, мы не сидели сложа руки...

– Я поехал на место преступления и сам лично беседовал со свидетельницами, – вступил в разговор сидевший до этого молча Игорь Шубин. – Это две женщины, и обе живут на одной лестничной клетке с Саблером. Они утверждают, что к нему ходили две женщины... Первая – ваша жена, которую видели неоднократно, и он, обращаясь к ней, называл ее Надей. Она в день убийства была там и обвиняла его в том, что он разбивает семью, что он негодяй, что у него, оказывается, есть еще одна женщина, что она видела ее, крашеную блондинку... С блондинкой, которая тоже реально существовала или существует, поскольку ее тоже видели, когда она покидала квартиру Саблера, у этого героя-любовника были сложные отношения... Во всяком случае, свидетельница утверждает, что слышала, как эта блондинка колотила в дверь квартиры и клялась, что не потерпит другую женщину, что удушит своими руками и ее, и ее малолетних детей... Так что картина постепенно проясняется.

– Меня зовут Василий, – вдруг подал голос молодой человек, сидящий на подоконнике и куривший уже вторую сигарету. Земцова и Шубин удивленно переглянулись. – А я думаю, что позвонил Наде в ту минуту, когда она находилась у Юли дома, сам Саблер, который сказал ей самое немыслимое и ужасное, что только могло вывести ее из себя: он передумал брать ее в жены, понимаете? Саблер мог, к примеру, позвонить ей за несколько часов до назначенного времени, когда он должен был приехать за ней и детьми на машине, и сказать, что... что он не любит ее, что женат, что у него есть другая. Да мало ли что... Главное – он бросил ее. Пони-

маете? И тогда она едет к нему, сама не своя, у нее истерика... Да, раз свидетельница слышала, что речь идет о какой-то блондинке, значит, Саблер предпочел ее... Дмитрий, я думаю, что вашей жене нужен хороший адвокат...

– Ну, Василий, ты и даешь, – покачала головой Земцова. – Если честно, мне это даже в голову не пришло... Ну, конечно, ей мог позвонить сам Саблер!

– И тем не менее, – твердым голосом, медленно повторил свою просьбу Аджемов, – я прошу вас найти настоящего убийцу этого мерзавца... Вы не знаете Надю, поэтому и предполагаете такое... Она не могла его убить, понимаете? Не могла, и все. Но доказательств у меня никаких нет. И это просто чудо, что у меня на момент убийства оказалось алиби... Я был на работе...

– Да, нам об этом известно. Хорошо, Дмитрий, мы будем работать.

– А этот звонок... Ведь у Нади есть телефон, можно посмотреть, кто ей звонил... – Дмитрий выглядел растерянным и подавленным.

– Посмотрим... Постарайтесь взять себя в руки. Не в моей компетенции давать вам психологические советы, но все равно: попробуйте даже в этой сложной и тяжелой для вашей семьи ситуации найти что-то полезное, хорошее для себя. Ведь ваша жена, которую вы так любите, уже завтра утром будет дома. Разве это не то, чего вы добивались и с чем пришли к нам? Вы попросили нас придумать что-то такое, чтобы Надя поняла, что ее настоящая семья – это вы... Но жизнь сама без нас расставила все по своим местам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.